

ПОКЛОН

Татьяне Грибановой

К вечеру, как светёлка,
Высветлел небосклон.
Озими за просёлком
Низкий земной поклон.

Лугу ещё, и небу,
Речка со мной всегда.
Родине на потребу
Хлебушек и вода.

Помню, как затевала
Хлебушек мать в ночи.
Гущицу подбивала,
Ставила на печи.

Рядом с квашнёю место,
У козушка, и мне.
И поднималось тесто
В старой, как мир, квашне.

Видно, оно хотело
Покинуть обжитый рай:
Тихо в квашне пыхтело,
Силилось через край...

Этот обряд извечен:
Сколько в рядок домов –
Столько в них русских печек,
Столько с утра дымов.

Бабушки ли, молодки –
Затемно не прилечь:
Тесто – на сковородки
И на ухвате – в печь.

Русь, ты моя святая,
В утренний час страдной!..
И над седым витает
Запах его родной.
С ним даже в холод лютый
Много теплее в дому...

В благодный час приюта
Руки тяну к нему,
Корочкой припеченной
Душу свою погреть –
Предками освящённый
И отводивший смерть.

Родину, как светёлку,
Высветлил небосклон.
Озимы за просёлком
Низкий земной поклон.

И прихлынули волны тепла!
Солнце разом прибавило света.
У летка копошится пчела, –
Очевидно, привиделось лето.

Ну а мы ожидаем грачей;
И, весне запоздалой в угоду,
С белой крыши ручей-казначей
Собирает по капельке воду.

Снег уже потемнел и набух,
А сосульки горят, как рубины.
И скворцам комнатушку, на двух,
Завтра дети сдадут на рябине.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Три дня несносного разлива,
Ручьёв невысшимый разбег.
И вот водою нешумливой
Плывёт с полей последний снег.

Подумаешь: вода устала
Месить пустой просёлок в грязь;
А снегу как бы не пристало
Терять с родным раздольем связь.

Лежит, темнея, на озимых,
Дождём весенним не промыт.
Ему сродни лихие зимы
И кроткий деревенский быт.

Лежит, томительно вздыхая, –
Он чувствует тепло земли,
И не нужна ему другая,
От родины своей вдали.

Не уплывёт, а раствориться –
Как матери подаст напиток,
Давая в новый день разбег,
Последний снег...

Последний снег...

Утро – в тумане; свежо от росы.
Тяжко земное бремя.
Тают в туманах минуты, часы –
Наше с тобою время.

Свет закачался над полем овса –
Благостно время налива!
Мне ли удачи легла полоса,
Ты ль без меня не счастлива?

Голос кукушки предвестьем в судьбе,
Полон приветливой грусти.
Что-то предвидится мне и тебе
В нашем с тобой захолустье?

Время – скупее, но солнца – в накат,
День пролетит по-сорочьи
И переплавится в красный закат,
В звёздное многоточье.

Падают звёзды в густые овсы,
Тени в ночи, как живые.
Тают в туманах минуты, часы –
Наши с тобой, роковые.

Свежо и росисто; и речка за домом в тумане,
В белёсом тумане –
Земное, своё! – по родному однажды
поманит,

От дома поманит

В безбрежье холмистое, полем и лугом –
всё прямо,
Всё прямо и прямо,
Родным бездорожьем, извечной дорогой
Адама,
От предков Адама.
Во зле или в горе сгорало Адамово племя,
Живучее племя;
Пронзало стрелую, с отравой, летящее
время,
Грядущее время.
Идём, спотыкаясь; оплечь смертоносные
луки,
И стрелы, и луки;
В слезах и победах, и кровью испачканы
руки,
Рабочие руки;
Над бездною бед, и, своей отягчённые
ношей,
Безмерною ношей,
С надеждой извечной добратся до жизни
хорошей,
До жизни хорошей.
Совсем на безлюдье белёная схлынет завеса,
Тумана завеса.
В безвременье злое хранимы пятой
Ахиллеса,
Пятой Ахиллеса,
В добре и печали отмоем кровавые руки,
Рабочие руки,
Но также оплечь смертоносные стрелы и
луки,
И стрелы, и луки.

И какие же мы чудачки:
От ручьёв, от полей, от реки
Всё бежим и бежим без оглядки
Из родных, удивительных мест,

Где поклонный покоится крест,
Где играли в войну, или в прятки.

Ёкнет сердце больное в груди:
Мой хороший, земляк, погоди!..
А земляк, молодой и твёрдый,
Жизни смысл познававший с азов,
Он оглянется всё же на зов,
А в глазах его – слёзы,

(Не от них ли дорожная грязь?)
Словно рвёт непорочную связь,
По живому, как пуповину...
И какие же мы чудачки:
От ручьёв, от полей, от реки, –
Где ломаем судьбу... или спину.

Где от родины малой вдали
Добываем для жизни рубли –
Не судьба, а злодейка!..
Чудаков, нас легко понимать,
Если кроем её в богомать,
А душа, – как жалейка,
Больше плачет...

Жить на свете не устаю,
И судьба для меня – не злодейка.
За родное всегда постою,
Где лежал поперёк скамейки.

Есть отчизна, и есть устав,
Всё родное доступно взгляду.
Днём погожим, в работе устав,
На ту самую и присяду.

Посижу, посмотрю в окоём,
Чтобы в мыслях своих оглядеться.
Всё житейское – в сердце моём,
И от них никуда мне не деться.

Вот за речкой, среди лозняка,
На берёзе сорока стрекощет.
Высоко-высоко – облака,
Как пушинки, и белые очень.

То ли в радости, то ли в беде,
О земном ли мечтается чуде, –
Уплывают по синей воде,
Как гусиное стадо в запруде.

Долго буду смотреть им вослед,
Ветер машет им веткой осиновой.
Уплывут, унесут белый свет
И оставят для жизни малиновый.

Ни лошади, ни бороны,
В делах житейских скромная,
На все четыре стороны –
Страна моя огромная.

А в ней заветный уголок,
Деревней называется.
И тут – дымок, и там – дымок,
В кудряшки завиваются.

Их строй заметно поредел,
Сады под гнётом старости;
И людям стало меньше дел
Совсем не от усталости.

Волшебной палочкой как раз
Страна была расколота –
Гордись, народ: теперь у нас
Нет ни серпа, ни молота;

Ни лошади, ни бороны
На все четыре стороны –

Осколками большой страны
Давно в чермете бороны.

Есть балалайка в три струны –
Давай, мужик, наяривай!
Последнее, что у страны, –
Всё продавай-раздаривай.

И рад безбожно дядя Сэм,
Ему всё это нравится:
И сколько пью, и сколько ем,
И сколько – в пику тайных схем –
Нас в мир иной отправится.

Как по велению судьбы
Вершим дела коронные:
Несут гробы, везут гробы
Команды похоронные.

Плывут над родиной кресты...
О, время аномальное!
Обряды вечные просты:
Слова и рюмки поминальные.

Мы перед смертью все равны,
Для всех дорога свёрстана,
Она – одна для всей страны,
Помеченная вёрстами.

Не знаю, на какой версте
Схлестнёмся с лиходеями,
Но в святости и простоте
О лучших днях радеем мы.

